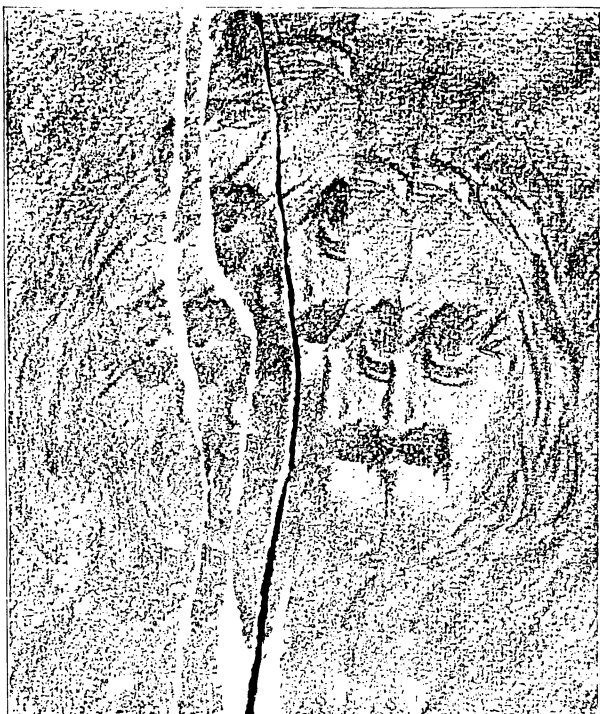

Тенрих Сангир
СОНЕТЫ НА РУБАШКАХ

Генрих Всеминович Сапгир
СОНЕТЫ НА РУБАШКАХ

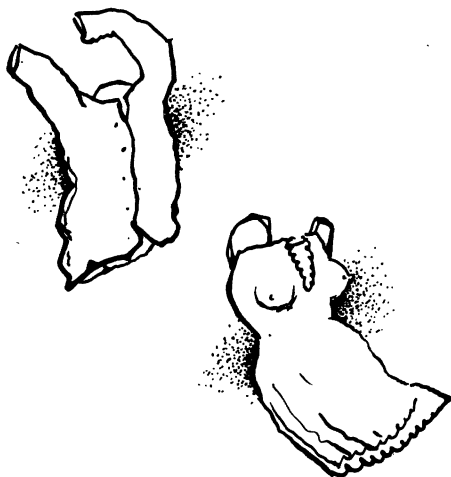
Художник *Л. Е. Кропивницкий*
Редактор *А. Л. Лейкин*
Технический редактор *Е. И. Алексеева*
Корректор *С. В. Генкин*

Сдано в набор 27.10.89. Подписано к печати 30.10.89.
Формат 60 x 84/16. Бумага офсетн. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2. Тираж 3000 экз. Заказ 74. Цена 2 руб. Л.—17369

Издательство "Прометей" МГПИ им. В. И. Ленина,
Литературно-художественное агенство "ТОЗА",
119048, Москва, ул. Усачева 64.

ГЕНРИХ САПГИР

СОНЕТЫ НА РУБАШКАХ

Москва
Издательство "Прометей" МГПИ им. В. И. Ленина
1989

ББК 83 ЗР7

Всп 27

Издание осуществлено

за счет средств автора

Сапгир Г. В. Сонеты на рубашках. Стихи. М. Издательство "Прометей" МГПИ им. В. И. Ленина

Литературно-художественное агенство "ТОЗА" 1989. — стр. 32

ГЕНРИХ ВЕНИАМИНОВИЧ САПГИР

СОНЕТЫ НА РУБАШКАХ

Стихи

Художник *Лев Кропивницкий*

Офорт *Александра Великанова*

Фото *Игоря Пальмина*

Фотограф *Виктор Печников*

Второе издание, исправленное и дополненное

Первое издание: "Третья волна" Париж 1976

ПРЕДИСЛОВИЕ

В детстве я упражнялся в писании сонетов и даже венков. Одну строку я помню: "Как умирает лес весь бледнозолотой!"

В 1975 году мне снова захотелось испробовать емкость и силу поэмы, состоящей всего из 14 строк.

Сонет – одно из прекрасных подарков человечеству. Так гармоничен, как бы внушен свыше. Вроде дорической колонны что ли.

Название книги "Сонеты на рубашках" возникло так. Осенью 1975 года на ВДНХ была вынужденно организована выставка левых художников, где участвовали и мои друзья. Нашей – во многом еще неискушенной публике – мне захотелось показать образцы визуальной поэзии

Две моих старых рубашки пошли в дело. Красным фламастером на их полотняных спинах я начертил два сонета: "Тело" и "Дух". Так мои рубашки и повесили – на плечиках в павильоне – одна над другой.

Но перед самым открытием выставки начальство (высокое) повелело их снять под тем предлогом, что стихи не залитованы, т.е. не прошли цензуру.

Третий сонет "Она" таким же образом экспонировался на московской квартирной выставке весной следующего года. На этот раз все прошло благополучно.

Я считаю, что стихи могут быть наглядны и написаны на одежде, тазах, корытах, простынях, чемоданах и т.д. В том числе и сонеты, как форма торжественная. В этом случае такое направление поэзии можно было бы назвать "вещизмом".

Г. Сангир

*"Здесь только оболочка. Слезы вытри," –
сказал отец Димитрий.*

ТЕЛО

Продуто солнцем – все в огромных дырах
И время водопадом – сквозь меня
Но стыну гипсом видимость храня
В метро в такси на улицах в квартирах

Меня легко представить как коня:
Храп трепет плоть. Но вообще я сыро:
Вспотевший кус черствеющего сыра
В рогоже скользких мускулов возня

Чудовищный костюм – мильоны клеток
Дворец из тканей радужных расцветок
Пожалуй скиньте если надоест

Я многим тесно... А иным просторно...
Но вчуже видеть просто смехотворно
Как это решето спит! любит! есть!

ДУХ

Звезда ребенок бык сердечко птичье –
Все вздыблено и все летит – люблю –
И на лету из хаоса леплю
Огонь цветок – всё – новые обличья

Мое существование фантастично
Разматываясь космос шевелю
И самого себя хочу настичь я
Стремясь из бесконечности к нулю

Есть! пойман!.. Нет! Еще ты дремлешь в стебле
Но как я одинок на самом деле
Ведь это я всё я – жасмин и моль и солнца свет

В башке поэта шалого от пьянства
Ни времени не знаю ни пространства
И изнутри трясу его сонет

ОНА

Не по любви а с отвращением
Чужое тело обнимала...
Не рада новым ощущением
На спинке стула задремала

Вина и водки нахлесталась
Подмышки серые от пота
Морщины страшная усталость...
Но предстояла мне работа

Меня вращали в барабане
Пытали в щелочном тумане
Под утюгом мне было тяжело!

И вот обняв чужую шею
Я снова девственно белею
И пахну свежестью – р у б а ш к а!

ПОЛИФОНИОН

Шкатулка медь сургуч бутыль с клеем
Музейный стул – с помойки уворован
Мы в мастерской у Сашеньки Петрова
Покрыты даже пылью т е х времен

Я – звучный ящик П о л и ф о н и о н
На желтой крышке ангел гравирован
Вложи железный диск полуметровый –
И звон! и Вифлеем! и фараон!

Ведь были же трактиры и калоши –
Всего себя в тоске перерошу!
Когда ж печать последнюю сниму –
Рожок играет и коза пасется
В арбатском переулке на снегу
Напротив итальянского посольства

ПРИАП

Я – член! но не каких-то академий!
Я – орган! но не тот куда ”стучат”
Я – прародитель всех твоих внучат
Я – главный винтик в солнечной системе

Я от природы лыс и бородат
Я – некий бог издревле чтимый всеми
Я – весь любовь... Я – тот библейский гад...
Змий своенравен: нервы место время

Пусть хочешь ты да я-то не хочу
Я – тряпочка. Я – бантик. Бесплезно
Меня дружок показывать врачу

Но чу – почуял! Как солдат в бою
Я поднимаю голову свою
Стою горячий толстый и железный

ЧЕМОДАН

Когда я обожрался барахлом
И стал до неприличия пузатым
Он придавил меня костлявым задом
И брюхо мне перетянул ремнём

Как бодрый шмель гудел аэродром
Волнуясь он стоял со мною рядом
А я – наружу всем своим нутром
Позорно перешупанным измятым!

Закрыли подхватили понесли...
Бродя по колеям чужой земли
Он верит в ярость своего таланта

А я устал я отошал давно
За что мне век закончить суждено
Цыганским чемоданом эмигранта!

РУКОПИСЬ

Раскрыл меня ты насмех – наугад
На двести девятнадцатой странице
Оплыли свечи. Все кругом молчат
И дождь потоком по стеклу струится

Дорогой кони скачут и храпят
В кустах – огни! Предательство! Назад!
Мария спит смежив свои ресницы
И в лунном свете замок серебрится

Начало: "Граф дает сегодня бал"
Конец: "Убит бароном наповал!"
Я – пыльный том седого графомана

Но лишь открой картонный переплет
Предутренней прохладой пахнет
И колокол услышишь из тумана

І ФРИЗ РАЗРУШЕННЫЙ

лицаем кудри складки
и треснувшие крылья
Вдавились мощной длани отпечатки
поверх легли тончайшей пылью

стекло крыло автомобиля
закружились в беспорядке
взмыли
мраморные пятки

беззвучно развалились
лась половина
и на ошупь гладкий

странно наложилась
ангельский и львиный
нет разгадки!

II ФРИЗ ВОССТАНОВЛЕННЫЙ

На сером различаем кудри складки
Орлиный глаз и треснувшие крылья
Вдавились мощной длани отпечатки
Века поверх легли тончайшей пылью

Куст блеск стекло крыло автомобиля
Реальность закружилась в беспорядке
Сквозь этажи сквозь отраженья взмыли
Блеснув на солнце мраморные пятки

Вселенная беззвучно развалилась
Реальности осталась половина
Все тот же камень — и на ошупь гладкий

Но на другую странно наложилась
Всё тот же профиль ангельский и львиный
нет разгадки!

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СОНЕТЫ

1. ЗВЕЗДА

С т а р неба круг сверлит над космодромом
Как сквозь вуаль мерцает Э с т у а л ь*
Зеркально отраженная изломом
Уходит С т е л л а коридором вдаль

Ш т е р н — лаковый журнал — редактор Фауст
З в е з д а над колокольной смотрит вниз
Ю л д у з по всем кочевьям расплескалась
И сытою отрывкою — Ылдыз!

Мириады глоток произносят так
Здесь блеск и ужас и восторг и мрак
И падающий в космос одиночка

И звездам соответствует везде
Лучистый взрыв ЗэДэ или эСТэ
Где эС есть свет, а тЭ есть точка

* — Старофранцузское

2. ОГОНЬ

Когда славяне вышли на Балканы
Был заклан а г н е ц — капли на ладонь
Из бока Агни вылетел огонь
Зеленый рай синел за облаками

Я слышу вой враждующих племен
Из глоток: Фаер! файэ! Флама! пламя!
Мы были ими, а германцы — нами
Смерд сел на Пферд, а Конунг — на комонь

Ты, я, они — из одного зерна
Я вижу лоб священного слона...
Лингвист укажет множество примеров

Латинский и г н и с и о г о н ь — в родстве
И на закате окна по Москве
Как отблеск на мечах легионеров

3. ВОДА

Речь как река. Во всем — свои истоки
Индуское у д а течет в воде
И мной разгадан смысл ее глубокий
В — влажность. О — овал. Движенье — Д.

О у д а к а м ю а к в а в а т о в о т э
...И выжимая влагу из волос
Как много дней и солнца пролилось
В небытие пустое как зевота

Я пить хочу. Горит моя гортань
В ней — скорпионы мерзостная дрянь!
Язык мой — враг мой вытянут как жало...

И — разрешилось! Ливнем снизошло
Все мокрое: асфальт кирпич стекло
Ты льешься в горло — мало! мало! мало!

4. ЗЕМЛЯ

Не принял дар. Ударил Дарий о з е м ь
Посла. Шла мгла опустошая з а м
А в результате зеленеет озимь
В лучах и листьях бродим по лесам.

Зачем з е м л е м ы говорим "С е з а м
Откройся?" Но о страшно ли мы просим?
Блестит и пляшет милая глазам
Стоцветная сокровищница – Осень

Или в Крыму – идем беспечно топчем
Подошвой прах польнь пыль – почву в общем
А там внизу – попробуй гору взрежь

Всё вздыблено! гигантский ящер согнут
О господи! проснется – горы дрогнут
Вдруг выдохнет: О Гея! Гильгамеш!

СОНЕТ – ВЕНОК*

*Алеше Паустовскому, трагически погибшему –
попросившему перед смертью в подарок этот сонет*

Венок обвили траурные ленты:
"От любящих врагов" "от профсоюза"
"ЧИТАЕМ ВСЛУХ! – друзья интеллигенты"
"ЗАБУДЬ И СПИ! – Божественная Муза"

"От неизестной – НАКОНЕЦ-то ТЛЕН ТЫ!"
"ПРИЯТЕЛЮ – от Робинзона Крузо"
"ЕВРЕЮ – от Советского Союза"
"ЗАЧЕМ ТЫ НЕ УЕХАЛ? – диссиденты"

"СКОРБИМ И ПЬЕМ – деятели искусства"
"ПРОЩАЙ ДРУЖИЩЕ – водка и закуска"
"СДОХ БАЧКА! СДОХ! СОВСЕМ ПРОПАЛ – монголы"

"УШЕДШЕМУ С ТОСКОЙ – собака Ларри"
"СВЕЖАТИНКЕ! – кладбищенские твари"
"Соседи по могиле – НОВОСЕЛУ!"

* Подарок за подарок – ответный дар Алеши был рисунок – заброшенное кладбище в пустыне.

СОНЕТ О ТОМ ЧЕГО НЕТ

Яну Сатуновскому

То мяса нет то — колбасы и сыра
То шапок нет куда я не зайду
Но я встречал и большую беду
Нет близких Нет здоровья. Нет квартиры

Нет радости нет совести нет мира
Нет уваженья к своему труду
Нет на деревне теплого сортира
Нет урожая в будущем году

Но есть консервы **РЫБНЫЕ ТЕФТЕЛИ**
Расплывчатость и фантастичность цели
Есть подлость водка скука и балет —

Леса в степи, стройки и ракеты
Есть даже люди в захолустьи где-то
И видит Бог! — хоть Бога тоже нет

ПЬЯНЫЙ СОНЕТ

Навеселе под мухой под хмельком
За друга для сугрева для настроения
У магазина вздрогнули — нас трое
А кто-то в одиночку и молчком —

Наклюкался надрызгался надрался
Как зюзя назююкался раскис
Набрался налкался настебался
До чертиков! до положенья риз!

Нарезался. Распался по-российски
Пьян вдребодан! в дым! в сиську и в сосиску!
— Поколбасись еще! похулигань
Спой песню нам про цветики-цветочки

Нафиздипупился. Дошел до точки
Пьянь распьянющая! Распьянь и перепьянь

НЕОКОНЧЕННЫЙ СОНЕТ

Четверг. С утра я позвонил в Москву
Сошел с крыльца на снег навстречу солнцу
Увидев близко розовую сойку
Обрадовался я что я живу

Дорогу помню — желтую постройку
Опять сегодня поздно я усну
А в дымчатое нежное высоко
Вливалась синь предвосхитив весну —

И что созвучно все моей душе
Которую за много лет я снова
Сверкали звезды грозно и лилово —

Почувствовал

РВАНЫЙ СОНЕТ

Да все мы — Я но лишь на разных этажах
Страдания. Сквозь боль и бред предчувствуем
Себя. Иногда как будто рассветает. Тогда
Истина прозревает себя. Вот-вот

Коснется особенной ясностью. Сейчас —
Какой-нибудь сучок, ветка, намек, счастливое
Воспоминание. Уже соскользнул Не
Удержаться на этом ослепительном

Острие. Сознание разорвано как
Осеннее дерево. Этот листок —
Улетающее вчера. Этот — зыбкое завтра. А этот

Совсем уже и не ты. Снова ощупью
Жадно шаг за шагом, день за днем, ночь
За ночью. Но придет же Весна наконец? Или Смерть?

СОНЕТ ВО СНЕ

Приснились мне превратности такие:
Я сочинл сонет. Но удивленно
Он вытянулся полкою вагона
И почему-то стал поездкой в Киев.

Кружилось поле. Дверь гремела ручкой
Сбиваясь ямб стучал скакал по рельсам
Я полкой был! Колесами! Трясучкой
Томительной! — и вечером апрельским

Я был внутри сонета и снаружи
И я страдал, что это обнаружат
И снова на Урал — служить солдатом

Но мой сонет бренчал стаканом чая
Смотрел в окно меня не замечая
И выглядел Анваром Садатом

МИЛЕДИ

Есть голоса — футбольная команда
А твой негромкий отличу от всех
Как будто ласку гладишь — теплый мех
Еще я видел небо Таиланда

Там тысячи легчайших колокольцев
Как тысячи сладчайших богомольцев
Лепечут улыбаясь в синеву

Ты храм такой видала на картинке?
Твой смех колеблет медные пластинки
Ты радуешься значит я живу

СОНЕТ С ВАЛИДОЛОМ

Мокрые листья влипли в асфальт
Сентиментально гляжу на природу
На серое небо на серую воду...
В июне меня прихватило – инфакт

Кажусь себе барином старого рода
Мол пожил и хватит – фойе и антракт
А кто-то гуляет и пьет! И кого-то
Сам черт не берет!... Поразительный факт

Как выжила жизнь и поэзия в этом
Сплошном советизме! На вечер к поэтам
Опять участковый с повесткой пришел

Сейчас бы (пожалуйста – клетка и птица)
Израться в кровь... или просто напиться...
Но в левом кармашке лежит валидол

СОНЕТ ПЕТРАРКИ

Если то не любовь, то что же я чувствую?
(Франческо Петрарка)

Но что со мною, если не любовь?
А если я влюблен, то что же это?!
Само-му-чи-тель-ство!.. Простите, нездоров.
Заразный. Всё. Не прикасайтесь. Вето

Попался, влип – не рыпайся, не сетуй.
Ведь все живут, хотя умрет любой.
Банальная, как девка из балета,
Любовь, как смерть, расправится с тобой.

И будешь ты носиться без руля,
Безвольно плавниками шевеля,
Во власти волн... как говорит Петрарка...

Где шея начинается изгиб,
Там темный завиток – и я погиб!
Я в зной дрожу! мне на морозе жарко!

ПОДМОСКОВНЫЙ ПЕЙЗАЖ С КУКЛОЙ

Вся в ряске течет полудохлая Клязьма
В осоке видна утонувшая кукла
К осени — дождь... Но и солнышко дразнит
Окраина вся менструально набухла

На том берегу — магазины и праздник
Здесь кто-то крикнул а там кто-то гукнул
Там пьяный бежит. А другой безобразник
Чернеет в траве словно жук или буква

Что всё это — кукла плакаты бараки?
Наверно какие-то тайные знаки —
И всюду рассыпанные человечки
И желтый закат за поселком — и даже

Лошадь белеющая у речки
В нечеловеческом этом пейзаже

СОНЕТ — СТАТЬЯ

«Большая роль в насыщении рынка товарами принадлежит торговле. Она необычный посредник между производством и покупателями: руково-

дители торговли отвечают за то, чтобы растущие потребности населения удовлетворялись полностью, для этого надо развивать гото-

вые связи, успешно решать проблемы улучшения качества работы, особенно в отношении сферы услуг, проводить курс на укрепле-

ние материально-технической базы, активно внедрять достижения техники, прогрессивные формы и методы организации труда на селе».

НЕЧТО – НИЧТО
(Метафизический сонет)

Качается шар. Навстречу шару
Качается шар. Один в один
Влетают шары: один – пара, один – пара, один – пара
Из сферы зеркальной за ними следим

Всё отраженье. Предмет или дым
Шар или призрак. Подобно кошмару
Шар вырастает... но вместо удара вместо удара
вместо удара
Шар исчезает поглочен другим

Несутся – слоятся шары пропадая
В третьем – в десятом – целая стая
В лжебесконечность уходят шары шары шары шары шары шары шары и т. д.*

Стойте! Довольно! Не вынесу пытки!
Маленький шарик повисший на нитке –
Детский предлог для вселенской игры

ПЕЙЗАЖ С ДОМОМ ТВОРЧЕСТВА БОЛШЕВО

”Заходящее солнце косыми лучами
освещало зеленые верхушки деревьев”
(Из рассказов начинающих авторов)

Дом обжитой и барский-довоенный
Бывали в нем и Горький и Гайдар
Я помню фотографию: военный
До блеска выбрит – как бильярдный шар

Старуха знаменитая когда-то
Здесь ходит в джинсах в красном парике
И сценарист таинственный как дата
Весь в замше размышлять идет к реке

А солнце заходящее лучами
Чего-то освещает... И ночами
Из-за гардин в аллее мертвый свет

Как бьется сердце!.. Утром у столовой
Сидят вороны крупные как совы
На ветках увенчавших мой сонет

* Строка уходит в бесконечность, ложно понимаемую.

БУДДА

Такой большой!.. Такой.. большая мама
Как Гималаи -- вдаль -- и нет конца
В тени -- яйцо огромного лица
Не Будда это а скорее Брама

Он видит сны -- и эти сны -- Он сам:
Звездой - в песчинку... с губ раскрытых -- прямо...
Но сквозь вселенную он слышит голоса
И шарканье по гладким плитам храма

Тянулся хвост... ура дошли до пяток:
Глазею на божественный порядок:
На каждом пальце -- красная спираль

В неслышном свисте в вихре и содоме
Недаром мой отец -- сапожник. Бёме*
Вдруг понял я что этот мир -- печаль

СПЯЩИЙ БУДДА

Снимаем обувь -- уж таков порядок
Здесь Вечность спит "у времени в плену"
И храм ведет куда-то в глубину
От головы до колоссальных пяток

От локтя к уху взглядом я ползу...
Из полутьмы полузакрытым глазом
Мир как яйцо Он созерцает разом...
А мы -- мы где-то шлепаем внизу

Очнись! опомнись! кто мы? что мы? где мы?
Вокруг застыли желтые монахи
И мрамор холодит подошвы ног...

Клыкастой маской усмехнулся демон
И вновь - надежды ужасы и страхи...
В закат рычит бензиновый Бангкок

* Мой отец действительно был сапожником. Кроме того, на старости лет он стал голубятником. И как впоследствии выяснилось, был азартный игрок. Так что вполне возможно, ему порою что-то открывалось.

ДИАГРАММА ЖИЗНИ

Улыбчивые старцы-мудрецы
Разглядывают диаграмму жизни
— Поэтом будет... при социализме...
— Судьба печальная — заметил Лао-цзы

И вот родился я в своей отчизне...
Была война... Давили подлецы...
На градке кошка ела огурцы...
Скучища — хоть на лампочке повисни!

Вдруг выигрыш — поездка в Сингапур
И тут где жизнь как сладкий перекур
Я фреску увидел в китайском храме

Там на стене где ивы и дворцы
Улыбчивые старцы-мудрецы
Беседуя склонились к диаграмме

ПУТЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

В Северодвинске помню я кафе
Как будто МОЛОДОСТЬ а может быть и ЮНОСТЬ
Оно похоже было на бездарность
И пахло тухлым пластиком внутри

А из Елабуги привез я сувенир
Гвоздь кованный и синий на котором
Цветаева повесилась... * В Саранске
На улицах я видел дохлых крыс

— Эй, посмотри! — по бронзе я стучу
Мне в Пензе показали каланчу
Пизанскую. Придавит ведь засранцев

Пухов и сер — не Серпухов — Париж!..
Ну чем еще тебя расшевелишь —
Нашествием китайцев? африканцев?

* Вот как это было После долгих поисков и блужданий по всей Елабуге наш полувоенный "козлик" подкатил к старому бревенчатому дому. Здесь в те давние дни эвакуации жила из милости у доброй хозяйки, думала свои невестелье думы и в отчаянии покончила с собой неистовая Марина. Прежней хозяйки давно уже не было. Здесь жила новая семья, которая как раз затеяла ремонт своего подгнившего жилища. Сенцы были разобраны, и толстые балки лежали в стороне в саду. Сам не знаю зачем, я вытащил длинный откованный вручную гвоздь из одного бревна (он сидел некрепко) и взял себе. Известно, что Цветаева повесилась в сенях. Страшный сувенир.

МЫСЛИ

Вот отлетела — серая как моль
Вот развернулась — пестрая как веер
Навязчивые — только им позволь —
Всю ночь стучит и движется конвейер

Рассыплются — горох или фасоль —
Не соберешь — еще и сам рассеян...
ОГРОМНЫЕ И БЕЛЫЕ КАК СЕВЕР
Мучительная как зубная боль

Расставлены как шахматы — для дела
Застенчивая — держится в тени
И та которую хоть за уши тяни
Не вытащить — как накрепко засела!

Есть мысли в кресле, мысли на ходу
И эта мысль к которой я иду.

ВЕЧЕРНИЙ СОНЕТ

Зажется свет... И в полупрозрачном
Стекле возникли лампа стол и я
Угадывалась комната моя
Но фото было призрачным и мрачным

Там сквозь меня просвечивали ели
Далеких зданий острые огни
А тут был пол и всё на самом деле
Хоть сам себя за ляжку ущипни

Я ущипнул себя — не удержался
Но крикнул он — из черной немоты!
А в зеркале напротив отражался
Еще один двойник и демон — ты

И с ужасом друг друга наблюдали
Три разных стороны одной медали

СОНЕТЫ ИЗ ДИЛИЖАНА

1. ГОРОДОК

Обвалы за Севаном – в сердце гор
Ползут в тумане фары -- виражами
Спускаются -- тревожится мотор --
На дно где городок и горожане

Приехал Гамлет... Друг его – шофер
Ромео – кутежи за кутежами...
Отелло остролицый как топор...
И площадь как подмости в Дилижане

Задумчив принц: на стройку туф опять
Не завезли... И гвозди где достать?..
Офелия – глазастик: дома -- драма

Какой армянский зодчий рассчитал
Что приняла тшета и нишета
Шекспировские очертанья храма!

2. СМЕРТЬ КРОТА

Из снега Верный выхватил крота --
И выронил... Затряс как бы обжёгся
Там - талая вода и чернота
Он -- там! -- Схватил -- и вновь поостерёгся

Как с мышью кошка он играл с кротом
По-зимнему стучал в деревьях дятел...
Обнюхал шкуру плоскую потом --
И сразу интерес к нему утратил

Мы ближе подошли и удивились:
Зачем слепой глупыш наружу вылез?
Но видно землю разморило всласть --
Вся в корешках набухла засочилась...

И он проснулся. Тут-то и случилось!
Горячая как печь собачья пасть

3. МОНАСТЫРЬ ГОШ

Паленым пахнет... Безбородый – Гош
Здесь книги прятал – свод блестит от копоти
Да! Тимур-ленг прошёл в огне и топоте –
И до сих пор здесь дух горелых кож

Внизу селенье: свиньи трактор грязь
И дом из туфа – розовый ДОМ БЫТА
Века назад всё брошено забыто –
Дымится и живёт не торопясь

Но чёрные небритые мужчины
На площади стоят не без причины –
И тот старик похож на книжный знак

Любой из них (придурковатый самый)
Хранит в себе и смысл и крепость храма
Хоть самый храм их – брошенный очаг

4. ЕРЕК ВАГАНЦ*

Синицами исклёванное масло
Там – на балконе... Из ущелья – пар...
В тумане солнце вспыхнуло... погасло...
Но в марте липнет к москвичам загар

– Автобус в Дилижан идет?... Неясно
Врунишка – но глаза как Божий дар
Среди деревьев розовых и красных
В снегу торчит могила – чей хачкар?

Доехали в такси. Пиджак потёртый --
И сам изжёванный, зато тариф – пятёрка
Ерек ваганц! -- да – и не прекословь

А горы между тем – страницы книги
Камней шизофренические сдвиги
И землю ткни ножом – проступит кровь

* Будь благородным (армянск.)

5. ПОЛЯНА В ГОРАХ

Вся в воздухе стеклянная поляна
Лишь тикающий шорох из тумана –
С деревьев тающий и падающий снег

Там – замирающие наши разговоры
И оплывающие кельнские соборы
И осыпающийся псевдочеловек

И если слушать в молоке в лесу ли
И снега шлёп и проблеск как бы хруст
То различишь дыхание косули
И глаз её армянский полный чувств

А если выше выше – всей поляной –
Всем слухом подниматься в тишину
То станешь белой бабочкой стеклянной
Иль просто каплей слышавшей весну

МУЗА

Появилась из-за края скалы на дороге
В чём-то белом подобном тунике. Соски едва
Обозначены, худые колени. В тени лица –
Светлые глаза еще светлей. Миловидность

Юной некрасивости; козья мордашка
Усмешка – быстрый язычок -- еле уловимое
Движение ящерицы. Массив Карадага
Высвечен глубизной. Отрок. Лаванда. Рыба.

И как в н а ч а л е – в музыке и сини
С пучком колючек воронцев полыни
Она прошла ничем не выражая

Божественного отвращения к миру
И было мне дано (ему – Сапгиру)
Понять что муза не моя -- чужая

КОКТЕБЕЛЬ

Памяти Коктебеля

Меж Карадагом и Хамелеоном
Как серая жемчужина – залив
Художник на скамье нетороплив –
Рисует скалы точек миллионом

Полынным кругом горы очертив
Сказал Господь: "Здесь будет хорошо вам"
И в солнце на тычке вином дешевым
Упился интеллект как примитив

Где в балахоне греком шел Волошин
Хип "ловит кайф" двусмыслен и взъерошен
Письменники здесь пишут похабель

И в самый цвет махровым их идеям
Живую душу сделали музеем
И Планерским назвали Коктебель

ПИЦУНДА ЗИМОЙ

Похожа на Японию Пицунда
Зимою в дождь – и небо как гримаса
Какого-то свирепого абхазца
Газета мокнет – из Москвы – оттуда

Там липнет снег... огни... представить трудно
Безвольные во власти Фантамаса...
Мыс в пену накренья скрипит как судно –
Вдруг лопнул ствол сосны – наружу мясо!

Обречены на грусть и прозябанье
Мы смотрим в небо... Бледными губами
Едва живём... Что час назад промокло –

Всё высохло. И ездит но балкону
Наперекор всемирному закону
Стул алюминиевый, что ему – наши стёкла!

СТОЛИЦА

Гранитный парапет. Москва – река
С утра такси несутся от вокзалов
Мильоны пришлых, тьма провинциалов
Кипят как дрожжи в капле молока

Ночная – корпусами облаками –
Незрячий взгляд, разжатая рука –
Раскинулась и дышет словно Каин
В беспмятстве – уж очень велика

И снова "холодок бежит за ворот"
Для интуриста скучен этот город:
Ни супер-шоу ни реклам ни сект...

Но вдруг пустеет Ленинский проспект
От Внукова как будто ветер вытер –
Текут машины... где-то там – правитель

ПИТЕР

Ни лошади на Аничковом, ни да –
же Летний сад осеннею порой
Ни бывшей и стареющей обида
Ни Петр ни змей ни бог и ни герой

Ни в ЕВРОПЕЙСКОЙ лилии модерна
Ни ростры – их русалочки хвосты
Ни то что всем хронически вам скверно –
(В муть в душу разведённые мосты) –

Другое помню. Утром у вокзала
Шла троица. Ночной триумират:
Большой как блин дворовый опивало
Алкоголичка – косточка рабочья
И рыженький – сомлеешь встретив ночью
Им двигался настречу Л е н и н г р а д

ЛЮБОВЬ

Надежде Януариевне Рыковой

Пообещала – значит выйдет скоро
Одну бутылку подобрал в подвале
Другие две строители мне дали
Купил трески и пачку БЕЛОМОРА

Стучал в окно – играл как на рояле
"Май дарлинг" вызывал – для разговора
Шипел мяукал... Приняли за вора
Ушел в подъезд – опять меня прогнали

Что бормочу лишь ей одной понятно
Вон за стеклом – и нос её и пятна –
И вертикальный с золотом зрачок

Отец её и враг из дома вышел
Зачем сказал он то что я услышал? –
"Влюбленный в нашу кошку дурачок"

СПЯЩИЙ

И пил и ел – влюблялся второпях
Вдруг – шум! Побили... Убежал хромя...
Крик чаек... Сплю у моря на камнях
Булыжники как бабу обнимаю

Смеюсь глазами: кто ты дорогая? --
Весь в белом летчик -- может быть моряк --
И в руки нам – все мандарины рая! --
Всё приобрёл, всё в жизни потерял

В хоромах спал – на простынях бывало --
Противно холодно -- и в душу поддувало...
Общественность? – уж как-нибудь я сам

Ни возраста ни близких ни заботы --
Лишь солнце -- сквозь вино... Не знаю кто Ты --
Провеял ласково по редким волосам

БОРИС ГОДУНОВ

Явился самозванец самиздатом
"Тень Грозного меня усынови..."
Мнил — цезарем, любимцем меценатом
Отторгнут — чужеродное в крови

Развращены бездельем блудом блатом
Ворьё и грязь — кого ни назови
Сопливясь от усердия и любви
Да! сильного признаем Старшим Братом

И между тем как свиньи жрут почёт
Толкается! — под рёбрами почёт
И чует правду — прожигает просто

(Тень Грозного?) Встряхни ж нас царь Борис
Да крепче поухватистой берись
Чтоб отлетел весь мусор гной короста!

МОСТ

Бородачи пузаны — малышня
Гуляем во дворе нарядных ясель
Лепечем и пузыримся: ня! ня!
Визжит как смерть! — упал и нос расквасил

Взлез на горшок величие зраня
Всё девочек исследует — мамасик
Обиделся: не поняли что — классик
Дым! шоры! обезьянник! злоба дня!

Когда иду я через Крымский мост —
Стальные фермы - балки вперехлест -
Заклёпки в два ряда -- стальные шляпки --

Весь в солнце -- над рекою -- в пустоте
Теряя чешую монетки перья тряпки
Завидую высокой простоте

ЦВЕТЫ С ОКРАИНЫ

Вьюном Ефросинья вся в жёлтых цветочках
У ржавой трубы где труха и кирпич –
Миллион срамокашек... пук лапушек сочных
И скромный лиловый иван-ильич

Хлион и Валерия – белые точно
Движенье души – всё равно не постичь
И чемпиоза – махроза мистич-
ческая – вся в клопах и окантах барочных!

Собрать эту живность и нечисть в канаве
Домой принести и поставить на стол
Принюхайтесь к этой любви и отраве –

Как будто здесь чистили рыбу и жрали
Арбуз пили пиво газету марали –
И кровью и спермой букет изошёл!

БЕССТРАШНАЯ

Памяти Нади Эльской

И плоти-то в ней не было почти –
Одна улыбка. Смерти что за пища! –
Пронзительные светлые глазищи
А вот о н а возьми и предпочти

Споткнулась и лежит на пол-пути
А там весной как соловьи засвищут
Её покойный Цыферов отыщет
И скажет: "Есть надежда... не грусти..."

Искусство лезло в парки и квартиры
Бульдозеры карёжили картины
И коршуном над паствою – Оскар...

Соратница! пьянчужка! анархистка!
Ты – с нами! мы – с тобой! мы здесь! мы близко!
Вот только б тебя Генка отыскал

Эльская и Цыферов, мои милые Надя и Геннадий, – их могилы почти рядом на Ваганьковском.

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

При получении извещения
с черным крестом из Праги

Мой тесть Гуревич Александр Давыдович
И музыкант из Праги Глеб Ерохин
Солагерники — что вы там увиделись! —
И снова вместе — тени духи вздохи

И собеседник мой пожалуй с виду лишь
Еще вполне — он мёртв — и ухо в мохе
А если жив ему не позавидуешь —
Кариатида вымершей эпохи

Но в памяти живёт и ходит Прага
В глазах блестит предательская влага
Как бриллиант весь мир омыт в апреле

Вон Фёдоров идёт по тротуару
С ним — Цыферов... И эту знаю пару
Кто умер тот живой на самом деле

ВСТРЕЧА

Памяти Юло СООСТЕРА

Был автобус — ехали к Юло
Было бледно ветренно и тонко
Бормотала старая эстонка —
Их глаза что лёд или стекло

Было море ласковой телека
Лес сквозил что аиста крыло
И шоссе куда-то вверх вело
— М е т с а к а л м и с т о о — наша остановка

Свечи на земле — на мокрой хвое
Пламя белое стоит как неживое
Позабыл я, ты в каком ряду?

Всё что первым — жизнь насквозь — заметил
Чем сквозь холст — в прорыв бумаги бредил...
Так и знал что я тебя найду

УРАЛ ЗИМОЙ ПЯТИДЕСЯТОГО

Сугробом кровля – овошехранилище
С зарей приводят женские бригады –
Штаны платки бушлаты и заплаты
Внизу темно и скользко -- запах гнили еще

Зато попеть позубоскалить рады
Всему научат в лагере: училище
- А эта блядь откуда еще вылезла? --
Глаза блестят и губы виноваты

-- Скучает дура по тебе траншея! --
Из-под тряпицы тоненькая шея --
Картофелина вроде проросла

Вверху блелеют смутные окошки...
Возились двое на горе картошки --
Да это ведь любовь у ней была

МНЕ 12 ЛЕТ

Весь встрепанный и потный со двора
Вбежал: отец!.. И сразу тихо стало
Из тёмных рук бумага выпадала –
И той бумаге не было конца

Он плакал половиною лица
Над Витебском над мятой похоронкой --
И горе вдаль верёвочкой – воронкой
Закручивалось – дымная дыра

Устами – всеми звёздами крестами
Отец рычал хрипел: "Будь проклят Сталин!"
Обмолвился?... Ослышался я? да?

Не Гитлера винил он в смерти сына...
Пусть жжёт вас пламя Страшного Суда! –
Да керосина больше! керосина!

ВОРОНА

Оказывается не чуждо чувство юмора
и птицам. Вот -- бросаю налку пуделю --
Палка перед ним как живая прыгает
по асфальту. Ранний октябрьский

иней выбелил траву кусты. Оттуда
за нами ворона следит с любопытством
Лохмушка радуясь гарцует, перехватывая
белыми зубами толстый прут крошит

Бросаю снова. С элегантностью пантеры
ворона низко проносится над пуделем
опережая подхватывает палку -- выронила

в притворном ужасе: "сыр выпал!" -- тот кидается
Вдруг сообразив оскорбленно заливается лаем
Она смеётся клюв беззвучно разевая

ПОЭЗИЯ ЗЕМЛИ

"Поэзия земли не знает смерти" --
Счастливая земля и небо Китса!
Перелистаешь, так и ёкнет сердце:
Двадцатый век -- последняя страница?

Там чудище в тумане чёрным чертит
А здесь в березняке -- и снег и птицы
И слышно как деревьям лето снится...
Опомнитесь! замрите и не смейте!

...что графоман я понял по затылку
Поставил абрикосовой бутылку
И высыпал на стол орехов грецких

День остывал -- дышалось в Коктебеле
И так хотелось "плыть и плыть без цели"
Под ровный гул стихов его -- советских

СОНЕТ ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Здесь воздух весь -- полынь -- и небо птичье
Подтёки лавы, камень как нарост
Кто растолкует мне косноязычье? --
И отчего возник незримый мост?

Над Коктебелем ярче сфера звёзд
Явился дух -- знакомое обличье
Спала под легкой тканью Беатриче
Воробышком -- так осторожно нёс

Он огневел - и всё во мне дивилось
Насквозь -- гора и моря полоса
Приблизился -- неверноятно вырос...

Зрю: виноградом сердце на ладони
Он дал вкусить сей дивный плод мадонне --
И я проснулся в горе и слезах

ДЖОЙС

Ты -- Гамлет, Клинк. А море как трюмо
Бык выбривал с усердьем подбородок
Внизу в подва с каким-то невозмо
Омфал... Ку-ку!... зеленый луч короток

План Дублина -- и Трои -- и настроя
суп из цитат -- сплошное недове
фантастика такая в голове
хоть торт лени из главного героя

Суть всех вещей -- я жду!... Куда-то делась
Не прячь глаза и не... "Ет видит Дэус!"
Он растянулся навзничь в острых ска

Собачий лай... Игрушки сэра Лута --
песок и камни -- вечная минута
И ночь полусознания близка

ПОРТРЕТ АННЫ КАРЕНИНОЙ (с усиками)

Она слышала звуки шагов его по кабинету
Высокая трава мягко обвивалась вокруг
Впечатление мрака при потухшей свече
Она боялась оставаться одна теперь

”Вы но не я” – сказала она оборачиваясь
”А хорошо! очень хорошо” – сказал он сам себе
”Уехал! конечно” – сказала себе Анна
И подошла к трюмо чтобы увидеть

Глядя на тень вагона на смешанный с углем
Какое-то неприятное чувство щемило
Солдаты брякнули ружьями, арестанты

Блестящие казавшиеся темными от ресниц
Приближение поезда... Эта радость избавления...
Усики над вздернутой губой

НИКИТСКИЙ САД

Славе Лёну

Никитский сад – твой камерный театр
Здесь все деревья – духи и актёры
Всё гонишься за призраком который –
В зеленый бархат... В дырочку следят...

Ты сам для них – и дух и экспонат
Спускаясь к морю ты уходишь в горы
Где – гул аплодисменты разговоры
Где – Горького и Невский и Монмартр

Здесь всё отрепетировано, даже –
Твоя фигурка на вечернем пляже
И горы декорацией висят

Что там мелькнуло – чайка ли?... собака?..
Когда себя сыграем как спектакль
Пусть занавесом нам – Никитский сад

Книги Г. Сапгира:

"СОНЕТЫ НА РУБАШКАХ". Париж, "Третья волна", 1976 г.

"СТИХИ 87", Париж, "Афоня", 1988 г.

"СТЕНА". Москва, "Прометей", 1989 г.

"МОСКОВСКИЕ МИФЫ", Москва, "Прометей", 1989 г.

